ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Л. М. Дробижева, И. В.Журавлева
П. М. Козырева, М. Е. Позднякова
С. В. Рыжова, Е. Ю. Щеголькова

Социальный ресурс реформирующейся России

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Socialnyj_resurs.pdf

Перепечатка с сайта Института социологии РАН http://www.isras.ru/

URL:http://www.civisbook.ru

Л. М. Дробижева, И. В. Журавлева, П. М. Козырева,
М. Е. Позднякова, С. В. Рыжова, Е. Ю. Щеголькова

СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС РЕФОРМИРУЮЩЕЙСЯ РОССИИ

Развитие глобализационных процессов идет отнюдь не в жестко заданном направлении движения человечества к прогрессу. Однако существуют тенденции стремления к образцам социальной жизни, демонстрирующим оптимальность в современных условиях.

В России, как в мире в целом, существует очевидное разнообразие в темпах и характере глобализационного развития, а на некоторых территориях и в его направлениях. Есть несомненные успехи в компьютеризации дееспособного населения, но более или менее массовой она стала до Урала, подключив лишь отдельные районы на Востоке, в Сибири, где работают крупные ресурсодобывающие компании. А в Северо-Кавказских республиках есть территории, где и сельскохозяйственной техникой советского прошлого уже не пользуются из-за разрухи хозяйства.

Нарастает разрыв между активным модернизационным развитием экономики в центре и некоторых высокоресурсных регионах и политической архаизацией, возвратом к прошлому, примирением с имитационными формами демократии.

В ходе исследований выявлены существенные региональные различия в **социальном** потенциале конкурентоспособности. Мы сосредоточим внимание на социальных ресурсах, обеспечивающих при концентрации политической воли движение в сторону реформирования России при «буксирном» эволюционном развитии. Естественно, **охватим те из них, которые вошли в исследовательское поле соответственно имеющимся возможностям.**

Адаптировавшиеся к рыночной экономике: потенциал и трудности реализации

Очевидным социальным ресурсом являются слои трудоспособного населения с широкой жизненной мотивацией – стремлением отвечать за себя, повышать профессионализм, иметь социальную мобильность, обладая реальной квалификацией, работоспособностью и инновационностью. Как установлено предшествующими исследованиями сотрудников

Института социологии РАН[1], работников такого типа в начале 1990-х годов было 5–10%. Их называли адаптированными к рыночной экономике (или рыночниками). После дефолта 1998 г. людей, уверенных в своих возможностях соответствовать рыночным отношениям, поубавилось, но все же к 2000 г. их было, по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ)[2], 30,3%, в 2002 г. – 33%, в 2003–2004 гг. – примерно на том же уровне. Наиболее высокие оценки «рыночности» характеризуют молодежь. Среди 21–30-летних доля вербальных «рыночников» достигает сегодня почти половины (49,6%). Но при переходе к каждой следующей, более старшей возрастной группе этот показатель последовательно снижается, останавливаясь на 22,3% в когорте 60-летних. Одновременно повышается доля вербальных «нерыночников»: с 40,9% у 21–30-летних до 59,8% у респондентов в возрасте старше 60 лет.

Более придирчиво и осторожно оценивают свои качества горожане, проживающие, особенно, в региональных центрах и крупных городах. Так, в октябре 2002 г. 59,2% взрослых жителей региональных центров и 55,3% жителей других городов указывали, что у них недостаточно качеств, которые ценятся в сегодняшней рыночной ситуации. Среди сельских жителей доля субъективных «нерыночников» оказалась меньше – 51,2%. При этом удельный вес вербальных «рыночников» и в городах, и в сельской местности был примерно одинаковым: от 32,5% – в региональных центрах до 33,7% – в сельской местности.

Подобные различия объясняются, прежде всего, неразвитостью рыночных отношений на селе, заметно снижающей уровень требований к рыночным качествам населения сельской местности. Но немаловажное значение имеют особенности адаптации сельских жителей к рыночным условиям, связанные с особой ролью домашнего хозяйства, сезонностью сельскохозяйственного производства, специфическими условиями труда, быта, досуга, характером и направленностью производства. Как следствие, способы адаптации селян к рыночным реформам, определяемые во многом оживлением домашнего хозяйства, отличаются большим однообразием, что зауживает спектр качеств, необходимых человеку для успеш-

---

[1] *Магун В.С.* Трудовые ценности российского населения: социалистическая модель и постсоциалистическая реальность // Куда идет Россия. М., 1995. С. 137–151.

[2] Мониторинг проводится Институтом социологии РАН совместно с Институтом питания РАМН и Университетом Северной Каролины (США). Опрашивается свыше 4 тыс. домохозяйств в 38 регионах РФ.

ного вхождения в новую ситуацию. Следует также учитывать специфику сельской социальной среды, которая более статична и однообразна, чем городская. Здесь ниже образовательный уровень населения, скуднее информация. Сельская среда отличается устойчивыми нормами и ценностями людей, имеет довольно узкую систему социальной дифференциации, ограничивает процессы социальной мобильности. Поэтому на селе экономические реформы и собственное место в новом социальном пространстве воспринимаются людьми совсем не так, как в городе.

Для большинства вербальных «рыночников» характерны ориентация на индивидуальные достижения, целеустремленность, высокие волевые качества, уверенность в собственных силах. Три четверти респондентов данной группы убеждены в своей способности успешно преодолевать трудности кризисного периода, проявлять самостоятельность и настойчивость, подчинять обстоятельства своей воле для достижения жизненных целей. Две трети высоко оценивают собственные возможности, выражают уверенность в том, что их будущее зависит только от них; более половины убеждены, что всегда могут выполнить задуманное. Высокая оценка собственных возможностей позитивно влияет на состояние готовности к активным действиям в самых сложных ситуациях. «Рыночники» достаточно активны в реальной жизни. Поэтому у многих из них высокие самооценки сочетаются с практическими достижениями.

Учитывая, что адаптация представляет собой процесс согласования требований и ожиданий человека и социальной среды, ведущее место в которой принадлежит согласованию притязаний субъекта с его возможностями, можно утверждать, что легче адаптируются к новой обстановке те, у кого шире личностные ресурсы, хорошо развиты качества, востребованные в измененных условиях. *Анализ показывает, что самооценки соответствия личностных качеств требованиям современной рыночной экономики очень хорошо коррелируют с социальным самочувствием – важнейшим показателем адаптации к реформам: чем лучше социальное самочувствие респондентов, тем выше они оценивают свои рыночные качества.*

Политический и экономический оптимизм стал снижаться с января 2004 г., и к осени он был в зоне наиболее низких значений за последние четыре года. Доля людей, которые считают, что «экономические реформы нужно продолжать», с 2004 г. не растет, а в 2005 г. проявилась даже тенденция к ее уменьшению (с 40% в июле 2004 г. до 36% в июле 2005 г.). Не увеличивается и число тех, кому «удалось использовать новые возможности, чтобы добиться большего в жизни» (9% в январе

2004 г. и 7–8% в 2005 г.). Достаточно высока доля тех, кто затрудняется определить, следует ли продолжать реформы (39% в начале 2004 г. и 44–46% в начале 2005 г.)[1]. Такая позиция, совершенно очевидно, снижает деятельностный потенциал граждан.

Неуверенность в возможности стабильной жизни повышает недоверие к институтам власти. Полностью не доверяющих суду, милиции или прокуратуре в 2–3 раза больше, чем полностью доверяющих (10–13%), 49% респондентов убеждены, что в России «нельзя найти защиту от произвола властей»[2]. Неправовые практики прочно укоренились на всех уровнях взаимоотношений, проникли во все сферы общественной жизни. Заметно снизился уровень правового сознания населения. Сегодня каждый четвертый россиянин считает, что существуют действия и поступки, квалифицируемые законом как преступные, а на самом деле не являющиеся таковыми. Особенно широко распространено данное мнение среди горожан, наиболее образованной части населения, людей среднего возраста. Так, жители региональных центров разделяют его вдвое чаще, чем сельские жители (31,3% против 15,2%), лица с высшим образованием – вдвое чаще, чем люди с неполным средним образованием (26,1% против 13,3%). Свыше трети россиян в большей или меньшей степени убеждены, что совсем не обязательно подчиняться закону, который они считают несправедливым. В региональных центрах таковых 37%, среди молодежи в возрасте до 20 лет – 48,2%. По этой и некоторым другим причинам идеи создания социально ориентированной рыночной экономики встречают у людей, лишенных какой-либо государственной поддержки, большое недоверие.

Сложность формирования общественных идеалов, в том числе и в сфере труда, обусловлена в настоящее время определенным потенциалом недоверия, возникшей социальной разобщенностью. Нормы и ценности честного и добросовестного труда, например, для многих окончательно потеряли свою привлекательность во время перехода к рыночной экономике. Реабилитировать их отчасти могут формирование цивилизованных рыночных отношений, повышение роли правовых и нравственных регуляторов взаимоотношений. Но, как показывают опросы (РМЭЗ), не только непреуспевающая часть населения, но и многие «рыночники» не уверены при этом в поддержке государства и работающих с ними людей. ***Социально-психологическая разобщенность и неуверенность пре-***

---

[1] Вестник общественного мнения. 2005. № 4. С. 68–69.
[2] Там же. С. 35.

пятствуют проявлению у работников смелости и инициативности, *что* ***является несомненно ресурсным потенциалом для личности и общества в целом.***

В различных слоях, особенно в молодежной среде, у жителей крупных городов, отмечается рост потребностей в интеллектуально содержательной трудовой деятельности, дающей индивиду возможность полнее раскрыть индивидуальные способности и удовлетворить более широкий круг интересов (профессиональных, интеллектуальных и иных). Развитие этого процесса характеризуется ослаблением материальных стимулов как единственно ценных и усилением стремления к самореализации, растущим желанием обладать определенной степенью автономности и самостоятельности в самом трудовом процессе, принимать решения, влиять на организационные и другие стороны своей трудовой деятельности.

Существует немало предприятий и организаций, которые активно формируют адекватный рыночным отношениям тип работника, имеющего соответствующую структуру требований к работе, цивилизованный экономический интерес, предполагающий необходимость инициативной, качественной трудовой деятельности при соответствующей оплате труда. В сферу актуализированных потребностей работников таких предприятий помимо материального интереса входят рост профессионализма, стремление к обогащению труда, инновациям, общественному признанию, способность оказывать влияние на различные стороны своего труда. Данный процесс затронул и верхние эшелоны – директоров, руководителей крупного масштаба.

На этапе перехода к рыночной экономике результативность адаптации в наибольшей степени обеспечивается адекватным экономическим поведением, ведущей формой которого выступает участие в самостоятельной предпринимательской деятельности, включая стремление, реализуемое на практике, организовать собственное предприятие или начать какое-либо другое свое дело. Часть работающего населения, демонстрирующая такое поведение, представляет собой наиболее конкурентоспособный, активный и инициативный трудовой контингент, характеризуемый мотивацией достижения, высокими адаптационными возможностями применительно к условиям современной российской рыночной экономики. Интересы данного контингента не входят в противоречие с интересами и тенденциями эволюции общества, вступившего на путь капиталистического развития.

По данным РМЭЗ, в октябре 2002 г. доля лиц, предпринимавших в разное время попытки организовать собственное дело, составила около 9%, увеличившись с ноября 1998 г. на 2,1%. Однако добились успеха только около трети из них. Наиболее активны в организации предпринимательской деятельности мужчины и женщины 31–40 лет. Лица, проявляющие активность в организации собственного дела и в особенности добившиеся успеха на этом пути, гораздо лучше адаптируются к новым социально-экономическим условиям и поэтому реже испытывают социальный дискомфорт. Для них характерна высокая готовность действовать даже в тех случаях, когда они оценивают свои возможности как ограниченные. Об этом свидетельствуют высокая уверенность в собственных силах, готовность самостоятельно решать свои проблемы и добиваться задуманного.

Ресурсом реформирования может стать и та часть работников, которые не относят себя к «рыночникам», но имеют запас профессиональных знаний и при изменении условий труда, в том числе его справедливой оплаты, готовы к инициативному, предприимчивому, деятельностному поведению.

Для реализации обозначенного потенциала социально-ресурсных групп нужны соответствующие их ориентациям политические и экономические условия. Ситуативный анализ, который проводился в ходе работы над проектом, показал любопытную картину. Прогноз, более-менее определенный, эксперты дают до 2008 – 2010 гг. А далее все варьируют его в зависимости от сохранения или изменения типа власти и отношения ее к принципам демократии и рынка.

Социальный потенциал религиозности и возможность его использования в противодействии девиантному поведению в полиэтничной молодежной среде

С начала 1990-х годов в России обсуждались сложные вопросы о взаимодействии общества, государства и религии. В контексте проблем глобализации одним из центральных вопросов остается вопрос: как в зависимости от религиозности складываются представления людей о моральных ценностях и идеалах, которые влияют на процессы, происходящие в обществе.

Православность как форма приобщения к православной традиции без дальнейшего воцерковления можно считать «новой» российской реальностью. Она новая, потому что в дореволюционной России все право-

славные были воцерковлены; в нынешней же посткоммунистической России (в сравнении с дореволюционным прошлым) большинство населения религиозно безразлично, хотя многие и считают себя «православными»[1]. Дело в том, что среди 55–70% православных, по оценкам экспертов, практикующих верующих не более 5–10%. Именно поэтому отмечаемое религиозное безразличие является безразличием с точки зрения институционального православного сознания. Однако для постсоветского человека интерес к религии и к религиозным ценностям, «открытие» православия и обретение православной идентичности является, безусловно, попыткой приобщения к христианству и Церкви.

Следует отметить, что в целом религиозная ситуация в России отражает общую для Западной Европы тенденцию, обозначившуюся с середины прошлого века – падение религиозности и утверждение эпохи секулярного (светского) миросозерцания. Однако парадоксальность современной российской ситуации – обилие верующих в стране с недавним атеистическим прошлым. Объясняется она тем, что в период трудного постсоветского десятилетия религия выполняла прежде всего функцию психологической поддержки и социально-психологического мотиватора.

Воцерковленная категория верующих имеет постоянную психологическую поддержку в лице христианского учения, духовных авторитетов и таинств. Остальная же часть верующих приобщалась к христианской традиции в условиях экономического выживания и затяжного психологического стресса, обусловленного социально-экономическим и политическим кризисом 1990-х годов. Постсоветский опыт России обнаружил, что стихийные всплески религиозности в периоды острых и болезненных общественных трансформаций являются не столько богоискательством, сколько поисками «духовного убежища», в котором человек пытается обрести временную защиту и утешение.

Функция психологической поддержки и защиты, осуществляемая в рамках практически любой религиозной традиции, в христианском учении осуществляется благодаря практике пастырского наставничества. Легитимный православный дискурс сам по себе – пастырский по своей интонации и задачам, наставляющий, предупреждающий, утешающий. Если подойти к нему со стороны трансактного анализа Э. Берна[2], то

---

[1] *Кырлежев А.* Заметки о типах религиозного сознания // Власть Церкви. Публицистические статьи 1994 – 2000. М., 2003.

[2] *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Л., 1992.

можно сказать, что он выражает почти исключительно «родительскую» позицию, столь востребованную в периоды психологической нестабильности и экономических трудностей. Поэтому обращение населения постсоветской России к религиозным (в частности, христианским) ценностям, пусть даже временное, как с позиций секулярного (светского) сознания, так и с богоискательскими стремлениями, безусловно, **способствует снятию психологической напряженности и обретению устойчивой социально-психологической позиции**.

Показательным в этом отношении является интерес к христианским духовно-нравственным ценностям в российских деловых кругах. Состоявшийся в 2002 г. VII Всемирный русский народный собор был посвящен теме «Вера и труд: духовно-культурные традиции и экономическое будущее России», где рассматривались вопросы духовных начал трудовой этики и религиозных аспектов трудовой мотивации.

Всемирный русский народный собор 2004 г. разработал «Свод нравственных принципов и правил в экономике», основанный на евангельских заповедях и регулирующий правовую этику предпринимательства и мотивацию достижений. Собор 2007 г. с актуальным названием «Богатство и бедность. Исторические вызовы России» связал дальнейшее развитие российской экономики с поддержкой традиционных нравственных ценностей общества и призвал объединить импульс модернизации с вектором духовно-культурных изменений.

Рассмотрение православия как движущего фактора экономической деятельности и потребность в возрождении норм христианской морали и утраченных православных (в том числе старообрядческих) традиций предпринимательства отражают острейшую социальную потребность в новых духовно-идеологических ориентирах экономической и общественной деятельности, где религиозность является мощным ресурсом социально-экономической мотивации и профессиональной деятельности. Этому есть конкретные примеры. Так, в социологическом исследовании «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» (руководитель Л.М. Дробижева) было обнаружено, что ***религиозный фактор может рассматриваться как ресурс для экономической деятельности. Среди воцерковленных православных (исследование проходило в Татарстане) в два раза выше доля предпринимателей (чем в целом среди русских горожан), а ислам успешнее, чем***

православие ориентирует своих последователей на рыночные отношения[1].

Одним из возможных направлений позитивного воздействия социально-психологического ресурса религиозности становится использование его в борьбе с наркотизацией и алкоголизмом. Этому аспекту было посвящено специальное исследование в ИС РАН.

Негативные тенденции наркотизации населения в начале XXI века сохранились. Более того, после незначительного спада в отдельных регионах страны в 2003–2004 гг., первая половина 2005 г. (по оперативным данным и показателям медицинской статистики) характеризуется серьезным ростом уровня алкоголизации и наркотизации населения. Это означает, что меры по стабилизации и оздоровлению в этой области оказались неадекватными масштабу опасности.

Кардинальная проблема профилактики наркомании в России заключается в ее несоответствии такому глубинному социальному и психологическому явлению, как массовое стремление одурманивать себя. Создание профилактических программ, основанных на российской национальной специфике потребления наркотиков, далеко не всегда тождественной западным и восточным аналогам – важнейшая задача современности. В этой ситуации не случаен интерес исследователей к анализу внутренних (личностных) причин приобщения молодежи к наркотикам, выявлению мотиваций и установок, препятствующих этому процессу. Такой эвристический поиск закономерно выводит ученых на мировоззренческие позиции человека. А поскольку религиозные учения занимают в них отдельное место, в проведенном нами исследовании анализировались возможности и границы влияния религии на отношение населения к наркотикам. Решение этих задач зависит от ментальности народов, принятых в их среде отношений и стереотипов поведения, связанных с употреблением психоактивных веществ. Цель проекта состояла в изучении причин и механизма распространения наркомании и разработки этнически и конфессионально ориентированных рекомендаций для проведения социальной молодежной политики по предупреждению и борьбе с наркоманией. В гипотезе предполагалось, что рост религиозного сознания может уберечь молодежь от включения в ненормативное поведение.

---

[1] *Переведенцева А.В.* Религиозность и ориентации на достижительность // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002.

Эмпирическая база исследования – учащиеся старших классов в школах с этнонациональным компонентом (армянским, грузинским, еврейским, корейским, татарским) гг. Москвы, Казани и Элисты, многие из которых идентифицируют себя с мусульманской и буддийской конфессиями (соответственно). Проведены глубинные интервью с представителями православного, мусульманского и буддийского духовенства; фокус-группы среди лиц с наркозависимостью, проходящих лечение в центрах реабилитации русской православной церкви.

Религия воспринимается школьниками как духовное воплощение высоких моральных норм и принципов, своеобразная объективация Добра в несправедливом мире. Наркотики – это Зло, болезнь, деградация, смерть, от которых им лучше держаться подальше. От 1/5 до 1/3 опрошенных школьников указали на существование зависимости между религиозностью человека и его отношением к наркотикам. Такая взаимосвязь рассматривается школьниками как противостояние «хорошей» религии и «плохих» наркотиков. В этом контексте на первый план выходит запретительная функция религии, которая формирует отношение подростков к наркотикам и их употреблению с позиций морально-этических норм. В этой парадигме употребление наркотиков – это грех, за которым последует неизбежная расплата, даже если об этом никогда не узнают родители, друзья, учителя и другие люди. Вера в существование Всевышнего является дополнительным контролером за поведением личности в ситуации, когда по каким-либо причинам отсутствует внешний и внутренний социальный контроль, а сам подросток не в состоянии избежать соблазна.

Трактовка школьниками религии как фактора, противодействующего распространению наркотиков в молодежной среде, является серьезным положительным фактором в организации антинаркотической работы. Даже при довольно проблематичном отношении учащихся к религии, не стоит пренебрегать социальным потенциалом, которым обладает борьба против наркотиков в рамках тех или иных религиозных учений.

Важная особенность восприятия школьниками взаимосвязи религии и наркотиков – утверждение «религия спасает от отчаяния, верующий человек никогда не станет принимать наркотики». Такой оптимизм в 2,5 раза выше у тех, кто считает себя последователями ислама и иудаизма, чем у тех, кто идентифицирует себя с христианством. А ценность приведенного выражения заключается в том, что ней обозначена та глубинная причина, по которой человек обращается к наркотикам, и, следовательно, намечается генеральный вектор возможной помощи.

Как показывает анализ, религиозная принадлежность стала одной из важных составляющих жизни нынешних московских школьников. Лишь 7,9% от общего числа опрошенных позиционировали себя вне ее рамок («не отношу себя ни к какой религии»), затруднились с ответом 3,8% респондентов, все же остальные без труда отнесли себя к тем или иным религиозным конфессиям. Этим объясняется закономерный интерес исследователей к выявлению возможностей использования имеющегося в религиозных представлениях современных школьников социального ресурса в качестве одного из значимых элементов антинаркотической работы.

Однако нельзя не отметить, что функционирование религий в современном российском социальном пространстве отличается высокой степенью противоречивости и проблемности, и рассчитывать на серьезное влияние церкви как социального института на решение проблем наркотизации школьников, естественно, не приходится. Ситуацию, как мы полагаем, может выправить лишь активная и систематическая антинаркотическая деятельность конфессий в сотрудничестве со школой в области профилактики. Это может быть, например, участие священнослужителей в проведении бесед (как показало исследование, они являются довольно эффективным средством педагогического воздействия: не менее 31,1% опрошенных школьников считает такие беседы интересными, а 21,6% ответили, что полученная в ходе таких бесед информация усилила их негативное отношение к наркотикам), организация конфессиональных акций против наркотиков (число московских школьников, участвовавших в различных акция против наркотиков в качестве зрителей, участников и организаторов оказалось довольно значительным – 21,3% от общего числа опрошенных) или проведении экскурсий в обители, в которых проходят лечение и реабилитацию наркозависимые граждане.

Среди «мировоззренческих плюсов», которые создает инкорпорированность школьников в религиозный контекст, является также их более интенсивная гуманистичность при оценке людей, употребляющих наркотики. Так, считают их «опустившимися типами» лишь 10,1% верующих по сравнению с 14,1% респондентов группы неверующих. Жалость, которую вызывают обратившиеся к наркотикам люди, вызывается у них не столько их трактовкой как «слабых и безвольных людей» 18,7% (23,2% среди неверующих), сколько слабой информированностью этих людей по проблемам наркотизации. Считают, что обращение к наркотикам происходит, поскольку «эти люди не знают последствий», 19,6% школьников из группы «верующих» и 16,2% респондентов во второй

группе. Такая трактовка, оставляющая в глазах школьников употребляющим наркотики людям надежду на возможность социальной реабилитации, делает их отношение к наркозависимым гражданам более конструктивным, способствует снижению общего уровня социальной агрессивности и деструктивных тенденций в отношении общества к людям, попавшим в наркотическую зависимость.

При сравнительном анализе структуры досугового пространства-времени респондентов возникает впечатление, что те из них, кто не отличается интенсивной инкорпорированностью в религию, являются более открытыми для современного общества, более включенными в существующий социальный контекст. А это, в свою очередь, ставит вопрос о границах и реальном содержании регулятивной функции, которую выполняют религиозные учения в современном российском общества. Если эти учения ограничивают общение подростков с миром наркотиков, будучи имплицитно вписанными в его мировоззренческую структуру в качестве базового паттерна, но при этом стимулируют более полное и органичное включение учащегося в существующее общество – это явный социальный позитив. Если же запретительная функция религии в отношении наркотиков стимулирует более здоровый образ жизни, но при этом осложняет включение современных школьников в существующий социальный контекст, ограничивая их общение с внешним миром, – то это может означать девальвацию исключительно положительного социального значения религии в современном российском обществе. Возможны и другие объяснения существующего положения вещей.

Выделение типов религиозного сознания, характеризующее конкретное воплощение ценности религии по отношению к наркотикам и набор косвенных индикаторов, позволило выделить новую группу потенциальных потребителей наркотиков, которые используют религию с целью добиться индивидуального или группового «просветления» и «единения с Божественным», что, естественно, ухудшает непростую наркоситуацию в стране. Около 3% опрошенных можно причислить к определенным нетрадиционным религиям и сектам, для которых обычным является использование наркотиков в ритуальной практике. Масштабы и серьезность влияния указанных организаций на современную молодежь значительны и требуют специальных исследований.

Изучение роли и места конфессиональных и этнокультурных субъектов и структур формирующегося гражданского общества современной России в решении проблемы наркомании – большая, сложная и полиас-

пектная тема. В ней сделаны только первые шаги, получены первые результаты.

Полиэтничность как сложность и ресурс реформирующегося общества

Россия не только включается в глобализационные процессы, но и адаптируется к ее сложным проявлениям. К ним можно отнести и усложнение этнического состава населения, возникающего в различных странах мира вследствие усиления миграции. Как известно, в 1990-е годы по масштабу миграционного притока Россия уступала только США и Канаде. Для России актуальность разрешения проблем, связанных с полиэтничностью населения, обусловлена и разнообразием культур народов, давно проживающих на ее территории.

Вместе с тем многокультурность представляет не только известную сложность, но и определенное преимущество России. В условиях низкой рождаемости у русских, как и у многих других, более урбанизированных народов, население с другой традицией рождаемости может сглаживать демографические провалы. Тем более, что эти граждане России давно живут в русской культурной среде и знают русский язык. А исследования, проведенные Институтом социологии РАН в регионах, где русские и народы с иной культурой живут в одинаковых условиях, показывают, что последние обладают практически такой же, как русские, способностью к включению в рыночную экономику (например, татары, якуты)[1].

Российское государство имело долгую историю сосуществования и взаимодействия разных народов в рамках общих административных границ. Это позволило выработать определенные механизмы и подходы в регулировании межэтнического, межкультурного взаимодействия и сделать их привычными для публичной сферы. В отличие от европейских стран, в которых под воздействием идей либерализма этничность была отнесена к частной сфере, в России проблемы межэтнического, межкультурного взаимодействия никогда не выходили из сферы общественного и государственного интереса (достаточно вспомнить знаменитую полемику «славянофилов» и «западников»).

---

[1] См. подробнее: Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002.

Другим преимуществом можно считать способность русских, составляющих большинство населения страны, к интегрированию различных культур и вместе с тем к усвоению ими культурных моделей поведения других народов[1]. О том, что эти качества сохраняются, свидетельствуют также и высокая готовность русских вступать в смешанные браки, налаживать контакты в трудовой и неформальной сферах, зафиксированные в репрезентативных исследованиях 1990-х годов[2].

Однако в последнее десятилетие XX века способность русских к межкультурной адаптации была сильно снижена в связи с ухудшившейся социально-экономической ситуации, изменением представлений об их статусе среди других народов после распада Союза. Эта тенденция усугубляется и тем, что в современных условиях глобальных перемещений населения смена этнической композиции происходит очень быстро, сопровождаясь неизбежной конфликтностью между принимающим, преимущественно русским, населением и этническими мигрантами. Можно говорить о том, что, даже обладая значимым адаптационным ресурсом, русские оказались не готовыми к столь резким изменениям этнической ситуации. В этом случае становится важным нахождение механизма, позволяющего общественной системе самокорректироваться и самонастраиваться в зависимости от происходящих изменений. Одним из таких механизмов в международной практике является использование принципов мультикультурализма, к которым с 1980-х годов вынуждены были прибегнуть страны Нового света.

Позитивный потенциал мультикультурализма заключается в возможности для доминирующей этнокультурной группы осуществлять интеграцию в общество представителей всех других групп. Основная цель идеологии и политики мультикультурализма – интеграция этнокультурных и других групп с различающейся культурой (религиозной, гендерной, молодежной и др. субкультурой) в масштабах страны. А одним из важных способов интеграции является создание обстановки, при которой заинтересованные лица из числа культурных групп знают, что они услышаны, с ними считаются, что они – дома. В первую очередь, это выражa-

---

[1] Об этом см., например: *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 2004; *Зимин А.А.* Витязь на распутье. М., 1991 и др.

[2] Репрезентативные исследования «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов» (1993 – 1996 гг.), «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» (1997, 1998 гг.), «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (1999 – 2001 гг.).

ется в изменении практик повседневного взаимодействия с населением представителей конкретных институтов государства. Экс-министр по делам национальностей В.Ю. Зорин в книге «Национальная политика в России. История, проблемы, перспективы» (М., 2003) характеризовал политику в отношении национальностей в начале XXI века как политику перехода от национальной к этнокультурной. Но вокруг целесообразности и адекватности российским реалиям этой политики и теперь ведутся дискуссии. Хотя ряд принципов такой политики используется во многих государствах. В России, например, действует закон о национально-культурной автономии. По данным Министерства регионального развития в РФ, на 2007 г. зарегистрировано 17 национально-культурных автономий на федеральном уровне, 170 – на региональном и 300 – на местном. А всего 930 национально-культурных объединений. Зарегистрировано 22 тыс. религиозных организаций. При властных органах созданы Общественные комиссии, Консультативный совет по этнокультурным вопросам, действует Ассамблея народов России.

Признание этнокультурного разнообразия на доктринальном и идеологическом уровне позволяло в сложных условиях трансформаций в ряде случаев сдерживать эскалацию межэтнической напряженности и конфликтов. Право на сохранение языка и культуры народов зафиксировано в Конституции РФ 1993 г. и Законах «О национально-культурной автономии», «О коренных малочисленных народах» и других документах.

Тема многонациональности российского народа, нашей страны не раз звучала в выступлениях первого лица государства – Президента РФ В.В. Путина. На встрече глав государств и правительств «Группы восьми» с участниками «молодежной восьмерки» в июле 2006 г. Президент говорил: «Если бы российскому многонациональному и многоконфессиональному государству не удалось достичь определенной гармонии между представителями различных религий и национальностей, нам не удалось бы создать единого централизованного государства»[1]. На встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений 5 февраля 2004 г. Президент говорил: «Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом»[2].

Данные, которыми располагает Центр исследования межнациональных отношений ИС РАН по результатам представительных социоло-

---

[1] http: //g8russia.ru/news/20060716/1220409.html.

[2] Российская газета. 2004. 6 февраля.

гических исследований в 2006 г., 65% населения страны идентифицируют себя как граждане России, при том, что 85% часто или иногда ощущают близость с людьми своей национальности[1]. И это означает, что исторически адаптированные к российским условиям принципы интеграции срабатывают на пользу общества.

Значимо влияющими на интеграцию групп в общество являются символьные знаки или институты, которым придается такое значение. Они характеризуют открытость или закрытость данного общества в целом и показывают недоминирующим группам, желанно ли их присутствие в нем. На снятие или выстраивание символьных барьеров могут быть нацелены как идеология, так и социальные практики. В практиках институтов государства наиболее значимыми для населения являются органы внутренних дел, милиция. Создание барьера связано, в первую очередь, с тем, что общественный порядок, поддержание и сохранение которого является функцией правоохранительных органов, определяется культурными и ценностными нормами доминирующего большинства. Сама охранительная функция – поддержание статус-кво в обществе – вынуждает ОВД служить, в частности, барьером на пути незаконно прибывающих новых групп населения. Конфликты и насилие, возникающие при осуществлении этой функции, воспринимаются как дискриминация, особенно в случаях противоречий с расовыми и этническими меньшинствами. Отождествление полиции и доминирующего большинства ведет к тому, что конфликты с полицией неизбежно ведут к усилению напряженности в межэтнических и межрасовых отношениях в обществе в целом.

Одной из самых противоречивых практик, приводивших к конфликтам между полицией и населением, являлась процедура проверки документов или, более узко, – выборочная проверка документов по этническому признаку, которая вызывала сложности во взаимодействии сотрудников правоохранительных органов и населения. В настоящее время эти противоречия смягчены. Наши совместные обсуждения этих проблем с сотрудниками командного состава МВД, знакомство с результатами их работы, анализ прессы показывают, что при проверке документов «по эт-

---

[1] Данные проектов: Мониторинг Экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), проводимого Институтом Социологии совместно с Университетом Сев. Каролины (США) и Институтом Питания РАМН, руководители с российской стороны П.М. Козырева, М.С. Косолапов; Европейское социальное исследование (ESS), 2007 г. (см.: http://www.europeansocialsurvey.org). Проект «ESS-Россия» проводится Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), национальный координатор А.В. Андреенкова (www.cessi.ru).

ническому признаку» сотрудники МВД стали более тактичны. Недовольство жителей вызывает то, что соответствующие органы не пресекают общественно-опасное поведение конкретных лиц, не оперативно ведут розыскные работы по привлечению к ответственности людей, наносящих оскорбления по этническому признаку. Совместные обсуждения с работниками МВД ситуации по взаимодействию с населением в городах с многокультурным населением показывают, что они много делают для нормализации контактов[1].

Между тем в повседневной практике усиление межэтнического общения за счет быстрого притока инонациональных мигрантов создавало естественные сложности, ибо культурные нормы прибывающего населения отличались от норм большинства. Во время проведенных нами фокус-групп «непривычная речь», «активная жестикуляция», «манера поведения» часто упоминались как причина негативного отношения к мигрантам.

У немалой части населения сохраняются традиционалистские установки. Около 40% граждан считают, что «проникновение другой культуры и языка вредит населению», 70–80% полагают, чтобы стать настоящим россиянином, «надо родиться в России», «прожить тут большую часть жизни»[2]. На фоне транслируемых Президентом и его окружением идей ценности многонационального государства, толерантности уровень этноцентристских установок в обществе оставался довольно высоким. По данным Левада-Центра, поддержку лозунга «Россия для русских» стабильно демонстрирует до половины населения России. По опросам этого Центра и других социологических центров, неприязнь к приезжим с Северного Кавказа, из Средней Азии и других южных стран испытывали до 40% респондентов.

Парадокс заключается в том, что при 40% выразивших эгоцентричные установки, свыше 60–70% граждан готовы работать с коллегами иной этнической принадлежности, примерно такие же установки имеют в отношении соседства и готовности иметь близкого друга другой национальности. И даже готовность к смешанным бракам достаточно высока – «в каких-то случаях» – 18%, а 56% – «всегда». Причем у значительной части граждан эти установки совмещаются. До 50% и более в целом по России

---

[1] Современный экстремизм в Российской Федерации: особенности проявления и средства противодействия. М.: Академия управления МВД РФ, 2006.

[2] Данные проекта «Будущее России: взгляд из центра и регионов. Социальная сфера общества», который реализовывался в 8 субъектах РФ с доминирующим русским населением.

называют причиной негативизма по отношению к инонациональным мигрантам то, что они «ведут себя как хозяева на нашей земле», «не уважают наши традиции». То есть причины негативизма к инонациональным мигрантам, в том числе к иммигрантам из других стран, в России те же, что выявлялись и в других государствах Европы.

Рост такого рода этнических предубеждений во многом объясняется не только быстрым и массовым притоком мигрантов (как уже упоминалось выше, Россия с 1989 по 2002 г. приняла 11 млн. мигрантов. И это только данные, официально зафиксированные Всероссийскими переписями), но и тем, как они расселялись. Большинство мигрантов приезжало в Москву и Санкт-Петербург. По оценкам специалистов по миграциям, если на определенной территории инокультурные мигранты превышают 10%, а тем более 20%, и если этнодемографический состав меняется быстро, это повышает тревожность населения. Ставится вопрос о безопасности населения территории.

Мигранты, по Всероссийской переписи населения, составляли в РФ 8%. Но, как уже говорилось, они очень неравномерно размещались по стране. И наибольшие фобии распространены именно в районах быстрого и наибольшего притока мигрантов – в Москве, Санкт-Петербурге, Южном Федеральном округе (Краснодар, Ставрополье), в Приморье.

В советское время инонациональные мигранты в основном приезжали учиться или работать и стажироваться. Их было не так много, они знали русский язык, намеревались как можно быстрее адаптироваться в районе пребывания. Сейчас приток не только более широкий, но и разнообразный по квалификации. Даже еще в 1990-е годы, когда прибывало много беженцев и вынужденных переселенцев, они распределялись по разным отраслям – в основном в строительстве, на транспорте, в сфере обслуживания. В последние годы (после 2004 г.) – это главным образом трудовые мигранты, а самая значительная доля иностранной рабочей силы сосредоточена в сфере торговли и общественного питания (в Москве – 40%), это – рынки, магазины, маленькие лавочки-ларьки, ремонтные мастерские и т.п., то есть там, где люди чаще всего общаются в повседневной практике. Местным жителям кажется, что новых мигрантов слишком много. Отсюда стало «гулять» используемое журналистами хлесткое выражение «понаехали тут».

Ясно, что Россия не может обойтись без миграционного притока. Как мы показали, руководство страны понимает это и призывает к регулированию миграционного притока. Сейчас он уже не такой массовый. По официальной статистике – около 300 тыс. человек в год. И вряд ли

будет быстро увеличиваться. Но еще немало неофициально прибывающих и работающих мигрантов, а также быстро увеличившихся диаспор (в 1989 г. в Москве было 21 тыс. азербайджанцев, сейчас около 100 тыс.), беженцев с детьми из Таджикистана, попрошайничающих на улицах крупных городов. Это, безусловно, влияет на рост этнических предубеждений.

Середина первого десятилетия XXI века характеризовалась весьма противоречивой ситуацией внутри страны. С одной стороны, становилось все больше людей, которых жизнь «вполне устраивает». С другой стороны, усиливается социальное расслоение, неуверенность в жизни чувствуют 64% жителей, треть боится потерять работу, опасается преступных нападений, более половины населения ожидают ухудшения ситуации в связи с жилищно-коммунальными реформами. Неуверенность, страхи всегда рождали и подпитывали негативные межэтнические установки, поиск врагов.

В этих условиях важно предупреждать и осуждать все проявления ксенофобии и экстремизма. Но отметим также, что их проявления не следует истолковывать как всеобщие массовые настроения. При всех трудностях травматических перемен трансформационного периода исследования в целом по стране (данные ВЦИОМ, Левада-Центра, ФОМ, RLMS) и по конкретным регионам, которые мы наблюдали в годы реализации проекта (Саха-Якутия, Свердловская область, Новгородская область, Воронежская область, Бурятия, Дальний Восток), показывали, что совмещенные негативные межэтнические установки – на совместную работу, соседство, дружбу – нигде не проявлялись более, чем у 20–30% населения (исключение составляли лишь установки по отношению к чеченцам и цыганам).

Негативные установки к национальностям, попавшим в «образ врага», объяснялись в основном, как мы уже показали, новыми обстоятельствами, характерными для многих стран мира, и в первую очередь быстрым и массовым притоком мигрантов. Но даже при этом более половины населения в названных областях РФ считало, что государство должно больше делать, чтобы защитить права национальных меньшинств.